Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы

Международная научная конференция «Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы», состоявшаяся в Киеве в октябре 2013 г. является шестой из цикла «История сталинизма». Она была посвящена одной из наиболее актуальных историографических и политических проблем современности. Кровопролитные войны, дезинтеграция ряда государств по национальному признаку, межнациональные конфликты и столкновения, угрожающие стабильности и целостности мира, постоянно напоминают о принципиальной важности и сложности национального вопроса. При этом политическая практика и многочисленные научные исследования исходят из того, что национальные противоречия и этнические конфликты обусловлены не только текущими условиями и событиями, но и в значительной мере историческим наследием. Это заставляет внимательнее относиться к изучению такого явления, как исторический опыт. Развитие советских наций и национальной политики в 1920-1950-х гг., несомненно, составляет важную ее часть.

СОВЕТСКИЕ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 1920-1950-е годы

Материалы VI международной научной конференции Києв, 10–12 октября 2013 г.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

Государственный архив Российской Федерации

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Издательство «Политическая энциклопедия»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ И ПРАВОЗАЩИТНОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционный совет серии:

- Й. Баберовски (Jörg Baberowski),
- Л. Виола (Lynn Viola),
- А. Грациози (Andrea Graziosi),
- А. А. Дроздов,
- Э. Kappep д'Анкосс (Hélène Carrère d'Encausse),
- В. П. Лукин,
- С. В. Мироненко,
- Ю. С. Пивоваров,
- А. Б. Рогинский,
- P. Сервис (Robert Service),
- Л. Самуэльсон (Lennart Samuelson),
- А. К. Сорокин,
- Ш. Фицпатрик (Sheila Fitzpatrick),
- М. А. Федотов,
- О. В. Хлевнюк

H TOPNA TAMINIAMENA

Дебаты

Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы

Материалы VI международной научной конференции Киев, 10–12 октября 2013 г.

ЕЛЬЦИН **ЦЕНТР** УДК 94(47+57)(082.1) ББК 63.3(2) С69

Советские нации и национальная политика в 1920— 1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – 686 с. – (История сталинизма. Дебаты).

ISNB 978-5-8243-1929-3

В сборник вошли материалы международной научной конференции «Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы», состоявшейся в Киеве в октябре 2013 г. Конференция, шестая из цикла «История сталинизма», была посвящена одной из наиболее актуальных историографических и политических проблем современности. Кровопролитные войны, дезинтеграция ряда государств по национальному признаку, межнациональные конфликты и столкновения, угрожающие стабильности и целостности мира, постоянно напоминают о принципиальной важности и сложности национального вопроса. При этом политическая практика и многочисленные научные исследования исходят из того, что национальные противоречия и этнические конфликты обусловлены не только текущими условиями и событиями, но и в значительной мере историческим наследием. Это заставляет внимательнее относиться к изучению такого явления, как исторический опыт. Развитие советских наций и национальной политики в 1920–1950-х гг., несомненно, составляет важную ее часть.

В конференции приняли участие специалисты из России, Германии, Украины, США, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Литвы, Эстонии, Франции, Израиля, Беларуси, Узбекистана, Венгрии, Азербайджана.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено благодаря финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

УДК 94(47+57)(082.1) ББК 63.3(2)

[©] Коллектив авторов, 2014

[©] Политическая энциклопедия, 2014

«ПОКАЯННЫЕ» И «ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЕ» ТЕКСТЫ УКРАИНСКИХ ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Массив текстов украинских историков и ученых-гуманитариев, который метафорически можно назвать «покаянным» и «обличительным», сложился в конце 1929 —первой половине 1930-х гг. В широком смысле он отображал тогдашние социокультурные и политические трансформации в СССР, а также соответствующие идеологические практики.

На первый взгляд, тотальная идеологическая и политическая подоплека писаний этого «жанра» создает внешний эффект однообразия в рецепции данных текстов, которые, по большей части, воспринимаются как один из способов диктата власти относительно нормирования и нивелирования творчества советских интеллектуалов. Однако очерченный сегмент текстов является достаточно интересным и с иной исследовательской перспективы, если его рассматривать как своеобразную, переходную границу, которая отделяет период относительно «нормальной» науки (1920-е гг.) от внедрения «новых правил игры» на культурном поле советского историописания, в частности его республиканской версии 1930-х гг.

Самобытными «двигателями», которые запустили механизм возникновения этого «жанра», стали дискуссии, посвященные концепциям и исследовательским практикам ряда известных украинских историков (М. Грушевский, А. Оглоблин, М. Яворский и др.). Про-

¹ Стенографічний звіт дискусії по докладу Скубіцького з приводу буржуазної Оглоблінської концепції українського історичного процесу, що відбулася в Києві в травні м-ці 1931 р. // Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВО Украины). Ф. 3561. Оп. 1. Д. 303. Л. 225; Стенограма дискусії на доповідь акад. В. О. Юринця «Соціологічні погляди акад. М. Грушевського» на об'єднаному пленумі філософії, соціології та циклу історії ВУАН //

водились также специальные административные мероприятия – проверки, ревизии, реорганизации научных учреждений и т. п.² Последние были инициированы сверху и развертывались под контролем партийного руководства, которое стремилось приспособиться к новой политической конъюнктуре и «зачистить» интеллектуальный и культурный ландшафт Советской Украины.

Прежде всего, была проведена тотальная делимитация культурного пространства на две полярные «территории» – «свою» и «чужую», которую ретроспективно распространили на всю историю Украины. В результате перед тогдашним украинским интеллектуалом встала проблема, как перейти на «свою» территорию, поскольку попытка остаться на «чужой» земле могла повлечь не только изгнание из научной и культурной жизни, но и репрессии – арест, заключение и даже физическую ликвидацию.

Для «возвращения» на «свою» территорию вводился унизительный ритуал публичного «самообличения» и искупления персональных «грехов» и «преступлений». Ритуализация этого действа имела целью не только полностью «очистить» культурное пространство, но и привлечь ученых к непосредственному процессу разрушения «чужого» мира, т. е. ревностно «разоблачать» своих коллег, наставников и даже учеников. Такое «покаяние» принуждало интеллектуала официально задекларировать свой разрыв с прошлым, что публично дискредитировало его в глазах коллег и современников, а в итоге вызывало психологический надлом личности.

Этот «обряд» предусматривал «самообличение» предыдущих взглядов, отречение от «ошибочных» концепций, публичную «самокритику» собственных и, конечно, «чужих» трудов в свете партийной этики. В то же время историкам навязывали показательное и энергичное участие в борьбе за «чистоту партийно-классовых принципов» и распространение марксистско-ленинской методологии и т. п. «Чем выше стоял в науке тот или другой украинский ученый, — отмечал А. Оглоблин, — тем более утонченной и рафинированной была его "критика и самокритика"»³.

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее – ИР НБУВ). Ф. 10. Д. 14628. Л. 192; Дискусія з приводу схеми історії України М. Яворського (трав. 1929 р.) // Літопис революції. 1930. № 2. С. 267–326; № 3/4. С. 176–237; № 5. С. 289–324.

 $^{^2}$ См., напр.: Стенограма засідання бригади по обслідуванню установ акад. М. С. Грушевського (24 травня 1931 р.) // ИР НБУВ. Ф. 10. Д. 2786. Л. 63.

 $^{^3}$ Мезько-Оглоблин О. Як большевики руйнували українську історичну науку // Український історик. 2000. Т. 37. № 1/3. С. 30.

Первые тексты, которые можем отнести к данному «жанру», были небольшими «самокритическими» примечаниями украинских историков, принимавших участие в дискуссии, посвященной концепции истории Украины М. Яворского в мае 1929 г. Однако публикация этих материалов запоздала почти на год. Ряд историков, осознав направленность и масштабность политических трансформаций, а также вследствие возрастающего нажима со стороны партийного аппарата и репрессивных органов, сочли необходимым оперативно снабдить эти тексты примечаниями и комментариями с признанием своих предыдущих «ошибок» и «заблуждений». Так возник интересный феномен — основной текст историков, возникший в результате дискуссии по концепции М. Яворского в относительно либеральных условиях, и вставки-примечания, которые демонстрируют идеологическую ревизию под давлением социокультурной среды и политической конъюнктуры.

В частности, в примечании молодого историка-марксиста Р. Шпунта находим все типичные черты «покаянных» текстов: а) публичное признание своих «грехов»; б) стремление смягчить или переквалифицировать обвинения, прежде всего, продемонстрировать отсутствие «враждебных» или «злостных» намерений; в) задекларировать готовность к искуплению, т. е. к личному участию в разоблачении «вредителей» и «врагов»; г) любой ценой доказать партии и общественности, что автор принадлежит к лагерю «своих», хотя и временно «заблудших»⁴.

В начале 1930-х гг. примеру Р. Шпунта следуют многие научные работники. Таким образом, «покаянные» выступления с признанием своих «мнимых» и «реальных» ошибок на публичных дискуссиях, специализированных проверках учреждений и институтов Всеукраинской академии наук (ВУАН) становятся массовым явлением. Распространение этого «жанра» происходило по методу «снежного кома», который разрастался с ужасающей быстротой, разрушая и заполоняя собой все культурное пространство Советской Украины.

Но, этот процесс развернулся не сразу. Например, еще в августесентябре 1929 г. академик ВУАН и лидер украинских историковмарксистов М. Яворский надеялся на более или менее приемлемый для себя лично финал официальной кампании «критики» и «разоблачения» его концепции истории Украины. Поэтому в «покаянной» статье 1929 г. он не только признал ряд своих ошибок, хоть и сделал несколько очевидных и скрытых выпадов относительно трудов М. Покровского, но даже планировал издать новую работу по исто-

⁴ Дискусія з приводу схеми історії України М. Яворського... № 2. С. 278–279.

рии Украины с критическим пересмотром собственных заблуждений и недостатков⁵. В то же время, в отличие от упомянутого примечания Р. Шпунта, М. Яворский еще не стремился доказать принадлежность к лагерю «своих», поскольку полагал, что это является самоочевидным. В этом смысле указанная статья М. Яворского еще не отвечает в полной мере требованиям «нового жанра». Однако мотив возвращения на территорию «своих» в полной мере прослеживается в его письме к секретарю ЦК КП (б)У С. Косиору от 4 февраля 1930 г., в котором Яворский высказал намерение опубликовать брошюру о своем жизненном и творческом пути и очистить свое доброе имя⁶.

Так или иначе, на рубеже 1929–1930 гг. в среде украинских ученых-гуманитариев происходит осознание точки «невозвращения» к революционно-романтическим 20-м гг. с относительно либеральными условиями научной деятельности. В результате количество «покаянных» текстов в начале 1930-х гг. стремительно возрастает.

Сценарии «дискуссий», которые посвящались трудам и концепциям видных украинских историков, были удивительно однообразными, как и «грехи», в коих каялись ученые. А. Оглоблин вспоминал, что в ходе дискуссии, на которой изобличалась его «буржуазная концепция», выступали не только киевские и харьковские коллеги, но даже студенты⁷. Выдвигалась лавина абсурдных и противоречивых обвинений, в частности в «механистическом струвеанстве» (от П. Б. Струве) и национал-демократизме, «зомбартовском монизме» (от В. Зомбарта) и игнорировании классовой борьбы. В итоге, Оглоблин получил опасное клеймо «национал-либерального струвеанства эпохи пролетарской революции и социалистического строительства». Методологические основы его исторических трудов были определены в соответствующем духе — «экономический материализм»⁸.

Сначала, во время майской «дискуссии» 1931 г., А. Оглоблин еще пытался, хотя бы частично оппонировать своим «критикам», обращал внимание на дикие противоречия и существенные пробелы в их аргументации и пр. Впрочем, он довольно быстро понял бесперспективность таких попыток в свете новых «ритуальных» правил игры. В заключительном слове историк не только признал «основные ме-

 $^{^5}$ Яворський М. Про мої помилки в концепції історії України // Комуніст. Харків. 1929. 5 вер. № 204. С. 5.

 $^{^6}$ Яворський М. І. ЦК КП(6)У, тов. Косіору (лист.) // Історична спадщина у світлі сучасних досліджень: Величко, Маркевич, Маркович, Костомаров, Яворський / за ред. В. А. Смолія, Ю. А. Пінчука. Київ, 1995. С. 186.

 $^{^7}$ Оглоблин О. Студії з історії України: Статті і джерельні матеріяли / за ред. Л. Винара. Нью-Йорк; Київ; Торонто, 1995. С. 244.

 $^{^8}$ Кокошко Ст. Стан історичної науки у ВУАН // Пролетарська правда. Київ, 1930. 18 лист. № 264. С. 2.

тодологические ошибки», но и их «классовую» обусловленность, а также выразил надежду, что сможет собственным трудом «исправить свои ошибки» 9 .

28 ноября 1931 г. на сессии Совета ВУАН А. Оглоблин выступил с публичным заявлением о признании «научно-политических ошибок», которые объяснял своим социальным происхождением и воспитанием в традициях, свойственных «буржуазному классу» 10. Через несколько дней газета «Пролетарская правда» опубликовала его «покаянную» статью «За марксистско-ленинскую методологию в исторической науке». В этой газетной публикации Оглоблин полностью следует требованиям «жанра», в особенности стремится переквалифицировать обличительно-обвинительную стратегию «оппонентов» на оправдательное признание «грехов». Лейтмотив его статьи основан на попытке найти достаточные основания и объяснения причин собственных «ошибок» для того, чтобы избежать безапелляционного приговора — «враг» 11.

Подобной стратегии придерживался и один из самых талантливых учеников М. Грушевского — С. Шамрай, который стремился любой ценой переквалифицировать обвинение, в частности доказать отсутствие злостных, т. е. «враждебных» намерений. Поэтому он не только признал методологические «ошибки», которые завели его на «неправильный путь экономического материализма», а пытался показать, что только недостаточность научной подготовки не позволила ему в полном объеме овладеть «передовым диалектическим методом» 12.

Логическим продолжением «покаянных» текстов стали «обличительные» статьи, поскольку каноны нового «жанра» требовали уже не только «раскаяния» и признания собственных «грехов», но и публичного, беспощадного разоблачения «врагов», т. е. ревностного «искупления» прошлых «ошибок» и «заблуждений». Переход этой границы достаточно четко уловил академик ВУАН Д. Багалей, который раннее однозначно отвергал требование критиков быть «воинственным марксистом», но незадолго до своей кончины (1932), был вынужден полностью признать «правомерность» такой постановки вопроса в «эпоху острой классовой борьбы» 13. Такие «исследовательские» практики стали своеобразной точкой отсчета или «родовым

⁹ Стенографічний звіт дискусії по докладу Скубіцького... Л. 110.

¹⁰ На сесії Ради ВУАН (28 лист. 1931 р.) // Там же. 1931. 1 грудня. № 272. С. 2.

¹¹ Оглоблін О. За марксо-ленінську методологію в історичній науці // Там же. 1931. 3 груд. № 273. С. 3.

¹² Стенограма засідання бригади... Л. 28.

 $^{^{13}}$ Багалій Д. І. [Самокритичний огляд наукової продукції з передмовами співробітників Інституту історії української культури та упорядника О. Багалій] // ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 45332. Л. 25.

пятном», которое ознаменовало рождение советской исторической науки, точнее, ее республиканской версии.

В широком смысле вводился ритуальный канон, который стал нормативным регулятором советской академической культуры. Новая ритуализация историописания навязывала универсальные эталоны «производства» научной продукции, связанные с искаженным и гипертрофированным технократическим стилем руководства партийной и советской элиты. В результате интеллектуальная деятельность уподоблялась материальному, валовому производству с догматически очерченной «технологией». Недаром научную продукцию стали обозначать и измерять формальными количественно-качественными показателями, которые с тех пор стали повсеместно доминировать в научно-исследовательских планах, отчетах и проектах.

В результате исследовательские практики, по сути, сводились к «бухгалтерским» документам с соответствующими идеологическими акцентами. В частности, возник специальный механизм академической бюрократии, который тотально подсчитывал в соответствующих колонках чисел и параметров — количество запланированной и опубликованной «продукции» (монографий, статей, рецензий, газетных заметок), издательские листы, перечень актуальных тем с указаниями относительно их практически-политической и научно-теоретической значимости, регулярность и интенсивность агитационных, популяризаторских и пропагандистских мероприятий и т. п.

Ритуальный канон стал нормативной составляющей советской академической культуры, более того тотальным регулятором творчества каждого историка. Этот канон состоял из ряда элементов и начинался с апелляций к высшим авторитетам (классикам марксизмаленинизма, трудам советских руководителей, решениям партийных форумов) в виде цитирования «крылатых высказываний», которые саркастически называли благословениями «партийных оракулов». Затем, априорно постулировался ряд определений, касающихся предмета или объекта научных изысканий, субъекта познавательного процесса или коллег (ученых-предшественников и современников) на основе бинарной идентификации: «свой» (пролетарский, социалистический) — «чужой» или «враждебный» (буржуазный, мелкобуржуазный, националистический, дворянский, монархический, контрреволюционный и т. п.).

На основании этой идеологической идентификации избиралась определенная «исследовательская стратегия»: апологетическая в случае позитивной, т. е. «своей» принадлежности; обличительнообвинительная в случае констатации инакомыслия, которое однозначно толковалось как «чужое» и «враждебное»; оправдательная, если в историческом явлении, процессе или личности отыскивались

достаточные «прогрессивные» черты в свете господствующей политической конъюнктуры.

В соответствии с избранным типом «стратегии» выстраивалась и определенная система аргументации, которая часто была либо исключительно позитивной, либо полностью негативной с небольшими косметическими примесями. Следует подчеркнуть, что даже осторожно сбалансированная аргументация по принципу рго et contra в работах тогдашних украинских историков встречается крайне редко, что лишь подчеркивает абсолютное всевластие канона.

Наконец, главная линия аргументации в зависимости от научной эрудиции, профессиональной подготовки, а иногда от идеологических фантазий автора лишь утверждала тот или другой вердикт, намеченный в предварительных тезисах работы. Последний, как правило, связывался с высшими догматами «идеологической веры» — ведущими положениями марксизма-ленинизма (формационное деление, базис и надстройка, материалистическое понимание истории, классовая борьба), к которым в вульгарном и упрощенном виде сводилось все разнообразие мира истории. Эта система «советской обрядности» хорошо приспосабливалась к изменениям партийного курса, идеологических кампаний, политических «чисток» и т. п.

Волей-неволей создавался эффект «заколдованного круга», в котором не только работал, но и физически существовал украинский ученый-гуманитарий, в особенности историк. В пределах этой чернобелой логики совершались «удивительные открытия» и позволялись массовые, беспрецедентные противоречия, которыми часто изобиловали научные труды. Например, статья Л. Окиншевича о «фашизме» академика ВУАН М. Слабченко¹⁴ или публикация И. Кравченко – ученика академика М. Грушевского о «фашистских концепциях» своего учителя¹⁵.

В первой половине 1930-х гг. «покаянные» и «изобличительные» тексты занимают доминирующие позиции в украинской советской историографии на фоне полного уничтожения ВУАН и ликвидации почти всей украинской исторической периодики. Первоначально такой жанр распространялся в выступлениях на публичных дискуссиях, в комментариях, примечаниях к стенограммам, протоколам, решениям и постановлениям, открытых письмах к редакциям и коллективам,

¹⁴ Окиншевич Л. Шлях до фашизму (Історично-юридичні праці М. €. Слабченка) // Україна. 1932. № 3. С. 37–60.

 $^{^{15}}$ Кравченко I. Фашистські концепції Грушевського і його школи в українській історіографії (академік Грушевський і його школа після повернення з білоеміграції) // Записки історично-археографічного інституту ВУАН / Відп. ред. С. Кокошко. Київ, 1934. № 1. С. 9–54.

отдельным партийным деятелям и государственным органам власти. Но вскоре появляются большие статьи (некоторые из них достигают размеров монографий), которые полностью заполняют уцелевшие издания ВУАН. Например, несколько последних номеров журнала «Украина» (1932. № 1/2 и 3) или первый и единственный выпуск «Записок историко-археографического института» (1934) состоят исключительно из «изобличительных» и «покаянных» публикаций.

Итоги такой «реорганизации» культурного пространства были катастрофическими для украинской исторической науки. Страшная атмосфера всеобщего духовного надлома украинских интеллектуалов, хоть и в скрытом виде, поневоле отображена в записке А. Оглоблина о состоянии исторической науки в 1934 г. В частности, автор отмечает, что украинские издательства боятся публиковать любые исторические труды, а историки осознанно и неосознанно опасаются высказывать свои взгляды и концепции из-за страха допустить возможные ошибки¹⁶.

Бытует мнение, что многие ученые-гуманитарии сталинской эпохи довольно быстро и легко приспособились к ритуальным требованиям в своих трудах и исследовательских практиках. Однако с перспективы республиканского нарратива этот тезис представляется весьма неубедительным не только в связи с масштабными репрессиями (были уничтожены практически все научные школы 1920-х гг., в частности Д. Багалея, М. Грушевского, М. Слабченко, М. Яворского и др.), но и с длительными институциональными последствиями для украинского историописания. Отметим, что на протяжении 25 лет (с 1932 по 1957 г., когда был основан «Украинский исторический журнал») в Советской Украине не было республиканского научно-исторического журнала!

Более того, психологический излом в сознании украинских историков был настолько велик, что большинство ученых категорически высказывалось даже против самой идеи основать республиканский журнал в 1930—1940-х гг. Официальная позиция, обнародованная на совещаниях историков, творческой интеллигенции и партийных функционеров в середине 1940-х гг., заключалась в том, что в Украине нет достаточного количества квалифицированных ученых (и это при наличии сотен историков, архивистов и музейных работников!), а неофициальная — всеобщая боязнь вызвать новую волну репрессий.

Накануне очередного погрома Института истории Украины АН УССР (август 1947 г.) известный украинский историк Н. Супруненко, выступая на одном из совещаний, заметил, что можно составить не-

 $^{^{16}}$ Оглоблин О. Сучасний стан і основні завдання історичної науки в У.С.Р.Р. (1 червня 1934 р.) // ЦГАВО Украины. Ф. 3561. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

мыслимый список «своих преступлений», впасть в «невиданное всенародное покаяние» и «самокритику», которые не смогут улучшить состояние дел в исторической науке¹⁷. Ситуация в украинской советской историографии заметно изменилась только в 1950–1960-е гг., когда лидирующие роли стали постепенно переходить к историкам военного поколения. Однако «травматическое» наследие 1930-х гг. довлело и над ними, хоть и в меньшей мере.

 $^{^{17}}$ Стенограмма совещания историков при ЦК КПУ (29–30 апреля 1947 г.). Управление пропаганды и агитации // Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 70. Д. 753. Л. 296.